

— Что ж, отлично. Для начала подайте ваши лучшие блюда, я попробую.

Сказав это, Тан Юань, не церемонясь, сразу позвал слугу:

— Принесите мне две рыбы. Одну на пару, другую в соусе. И чтобы были самые свежие, самые-самые свежие.

— Две рыбы ты один осилишь? — Госпожа Цзы искоса взглянула на него, подумав, что этот человек совсем не стесняется. А Тан Юань меж тем уже вытащил из подставки пару палочек, обтёр их рукавом и принялся выковыривать утиные яйца.

А это были яйца, замаринованные в Тереме Дымной Воды! Те самые, что Госпожа Цзы припрятала в погребе и доставала лишь иногда, чтобы побаловать своих работников. Как он их раздобыл?

Тан Юань с удовольствием ковырял желтки, засовывая их в рот и приговаривая:

— Кто сказал, что я буду есть один? Скоро ко мне присоединится кое-кто. — А яйца у вас — что надо.

— Герой, а яйца эти откуда у вас?

— А? Давеча слуга дал, сказал — сам не съест.

Тан Юань сделал невинное лицо. На самом деле, это он сам выпросил их у слуги. Даже самый бестолковый работник Терема Дымной Воды не стал бы отдавать хозяйское угощение.

Госпожа Цзы, женщина прямая, поняла, в чём дело, и отнеслась к Тан Юаню с великодушием:

— Ешьте на здоровье, герой. В моём тереме я ручаюсь лишь за одно — вы будете сыты и довольны.

— Тогда приношу свою благодарность, госпожа. — Кстати, осмелюсь спросить: в Павильоне Недеяния что-то случилось? Что за дело такое, что подняло такой переполох и дошло до Се Саньчуаня?

— Об этом я расскажу вам после. Но у меня, герой, есть ещё один вопрос. Что такое Печать Счастья и Несчастья?

— Белок не доел... Надо бы позвать Юань Сяо, пусть доест, — пробормотал Тан Юань, затем, приняв серьёзный вид, спросил:

— А известно ли вам, госпожа, когда впервые появилась эта печать?

— Разве не во времена Первого императора? «Первый император, покорив шесть царств, исполнил все свои замыслы, кроме одного — обрести бессмертие». Потому-то Сюй Фу и отправился за море искать эликсир, а на пути случайно обрёл Печать Счастья и Несчастья.

В те времена Первый император, жажда долголетия, дважды отправлял Сюй Фу на поиски бессмертного снадобья. В первый раз Сюй Фу, вернувшись, заявил, что повстречал морского божества, но тот отверг дары как слишком скудные и отказался дать эликсир. На обратном пути Сюй Фу зашёл на один остров, где случайно нашёл удивительную яшму, вырезал из неё Печать Счастья и Несчастья и преподнёс императору. А во второе плавание он отправился — и сгинул без вести.

— С тех пор толков было множество. Печать Счастья и Несчастья изначально была обычной яшмой, но после поднесения императору тот стал считать её священным артефактом, вознёс до небес, провозгласив: «Видеть Печать — всё равно что видеть Нас лично». С тех пор печать стала символом власти, позволяющим повелевать людьми и получать что угодно. Позже Первый император и вовсе связал с ней право призывать таинственное войско. Так Печать Счастья и Несчастья и стала вождельённым сокровищем. Это и есть «Создано устами князей, полководцев и министров». Глава Се как-то спрашивал меня об этом и упоминал сие.

Услышав, что речь зашла о сути дела, Госпожа Цзы крайне заинтересовалась, тут же придвинула табурет и спросила:

— А «Попало в руки торговцев и возниц»? И всё последующее — как это объясняется? Расскажите всё, что знаете.

— «Попало в руки торговцев и возниц» — это, естественно, после кончины Первого императора и падения Цинь, сменившегося двумя поколениями. Потом настали смутные времена, и эту вещицу кто-то унёс с собой. А когда она вновь объявилась, то уже во времена Хань, и преподнесли её снизу, простые люди. Разве это не «Попало в руки торговцев и возниц»?

Тан Юань, вспоминая смутные письма на шёлковом свитке, неспешно излагал историю.

Позже слухи становились всё нелепее. Говорили, будто печать может исполнять желания, что она могущественнее самой Книги Судеб Яньло. В конце концов, её и вовсе стали почитать как святыню.

Раз нечто считается всемогущим, неизбежно начнётся борьба за обладание им. Можно сказать, печать могла и «небо с землёй поменять», и «мир перевернуть».

Невежды боролись за неё, думая, что она исполнит их желания. Знающие же боролись ещё яростнее — и не просто боролись, но и убивали, ибо заполучить печать означало заполучить власть.

Власть — самая пленительная вещь в мире людей и жесточайший яд.

Но Тан Юань в душе считал: человек — всего лишь человек. Попытки идти против Неба неминуемо навлекут кару. Поэтому печать эта была, по сути, бесполезной обузой. Даже один день владения ею увеличивал шансы на гибель.

***

(19)

— Так-то оно так, — произнесла Госпожа Цзы, выслушав происхождение Печати Счастья и Несчастья.

Она долго молчала, размышляя, и Тан Юань уже решил, что она больше не заговорит, как вдруг она сказала:

— Если следовать вашим словам, герой, все борются за Печать Счастья и Несчастья, но по сути-то борются лишь за «счастье», а «несчастье» никому не нужно.

В её глазах читались насмешка и жалость. Она смеялась над тем, как люди готовы положить всё ради призрачной власти, и жалела их — ведь кроме этой гонки за властью у них, по сути,

ничего и не было.

— Само собой. Но Печать Счастья и Несчастья — она и есть «счастье» и «несчастье». В конце концов, счастье таит в себе несчастье, а в несчастье скрывается счастье. Кто может обладать лишь одним? Сам процесс борьбы уже полон бед и опасностей. — Только, госпожа, к чему вы спросили о печати? Неужели это как-то связано с событиями в Павильоне Недеяния?

— Связано. Пожалуйста, обождите здесь немного, перекусите, а я тем временем кое-что принесу.

Госпожа Цзы бережно сложила письмо от Се Саньчуаня, тщательно убрала его за пазуху, приняла из рук слуги рыбу и поставила перед Тан Юанем, жестом предложив подождать, после чего спустилась по лестнице этажом ниже.

Вскоре она вернулась, неся в руках свёрток. Свёрток был из синей ткани, и завязан он был красивее, чем у простолюдинов, но в остальном ничем не примечателен. Однако Госпожа Цзы развернула его с величайшей осторожностью, слой за слоем снимая синюю ткань, пока не обнажила то, что лежало внутри.

Это была яшмовая печать.

Тан Юань взял печать и внимательно её рассмотрел. Яшма была чистой, прозрачной и тёплой на ощупь. На каждом из концов печати был вырезан иероглиф: один — «счастье», другой — «несчастье».

«Способность поменять небо и землю», «Несчастье, способное перевернуть мир».

— Это... Печать Счастья и Несчастья?

— Не знаю. Это мне доверил хранить глава Се Саньчуань. В те годы...

Из уст Госпожи Цзы Тан Юань узнал о Павильоне Недеяния, весьма отличном от того, каким его знали в мире рек и озёр.

В те годы Госпожа Цзы тоже была членом Павильона Недеяния. Она была дочерью одного из трёх заместителей старого главы, Линь Цзина по прозвищу «Слушающий Ветер, Спящий в Лесу», и росла вместе с молодым главой Се Саньчуанем. Тогда её ещё не звали Госпожой Цзы.

К тому времени Павильон Недеяния уже сменил четырёх глав. Каждый из них полностью посвящал себя делу боевых искусств, и ученики павильона, выходя в мир, пользовались особым почётом, повсюду встречая глубокое уважение. Со временем некоторые ученики перестали довольствоваться таким положением.

Люди всегда таковы: чем больше имеют, тем больше хотят.

И вот некоторые ученики сговорились, желая принудить главу ввязаться в борьбу за власть в мире боевых искусств. Старый глава, естественно, отказался. Ведь именно благодаря тому, что Павильон Недеяния никогда не участвовал в борьбе за власть, он мог выступать посредником в конфликтах между различными силами. Именно абсолютный нейтралитет позволял ему сохранять доверие большинства. Согласиться же означало променять целое на часть.

Мятежные ученики были подавлены, но их мятежный дух не угас. Они затаили недовольство, и когда бразды правления принял Се Саньчуань, в момент передачи власти противоречия

наконец вырвались наружу.

Новая фракция даже сумела, воспользовавшись тем, что Се Саньчуань ещё не освоился с властью, на время захватить управление внутренними и внешними делами павильона.

Ученики разделились. Старая фракция во главе с Линь Цзином, естественно, встала на сторону Се Саньчуаня. Госпожа Цзы была среди них. В самый разгар смуты в Павильоне Недеяния Се Саньчуань, чтобы защитить Госпожу Цзы, тайно вывез её из павильона и помог основать Терем Дымной Воды.

Новая фракция, захватившая власть в Павильоне Недеяния, начала беспощадную охоту на членов старой фракции. Чтобы скрыться от их глаз, она сменила имя и стала хозяйкой Терема Дымной Воды — Госпожой Цзы. Позже Се Саньчуань с великим трудом вернул себе павильон, подавив внутренние силы, но Госпожа Цзы так и не вернулась.

Таким образом, Терем Дымной Воды, по сути, следует считать дочерним предприятием Павильона Недеяния. Все эти годы терем и павильон поддерживали связь. И оставшиеся в тереме работники, и воительницы — все как один считали себя по-прежнему частью Павильона Недеяния.

Неудивительно, что Госпожа Цзы, обычно невероятно строгая к мастерству цигун гостей, приняла поручение от Се Саньчуаня. Возможно, это правило изначально и появилось именно для того, чтобы публично отмежеваться от Павильона Недеяния и от Се Саньчуаня.

<http://bllate.org/book/16265/1463617>